

По пути Кошурникова

О.И. Пятов

Казырский отпуск подходил к концу. Жили в избе вчетвером. Кроме меня и Шуры — геолога, еще двое рабочих — зимовщиков. Жили дружно, спокойно. Холодные дни кончились, к концу апреля волной с запада пришло тепло. Все чаще думали, как выбираться на "Большую землю" — пешком, через перевал в Верхнюю Гутару, или сплавом на лодке вниз по Казыру? Снега еще много, на перевалах в особенности будет тяжело идти на Гутару. Все больше и больше возникало предпочтение варианта сплава. Во-первых, плыть гораздо приятнее, чем идти с тяжелыми рюкзаками вверх к перевалу; во-вторых, я много раз проходил пешком в Гутару, но ни разу не плывал вниз по Казыру, и знаю Казыр только от истоков до р. Прорвы; в третьих, я давно хотел проплыть по Казыру и тем самым повторить путь Кошурникова. Судьба этого замечательного человека, его суровый путь, его гибель будоражили всегда мое воображение.

Впервые услышал я об экспедиции А.М. Кошурникова от моего друга, геолога А.Д. Шелковникова, который работал на Казыре в 1953 году (через 10 лет после гибели Кошурникова и его товарищей). Тогда были живы многие жители поселка Верхней Тридцатки, которые знали об этой экспедиции, нашли тело и дневник знаменитого изыскателя, похоронили Александра Михайловича на высоком берегу Казыра, на краю маленькой своей деревушки. И вот в 1960—1961 годах в номерах "Комсомольской правды" была опубликована прекрасная повесть Чивилихина "Серебряные рельсы", — основанная на дневнике А.М. Кошурникова, подлинники которого хранятся в музее Революции, в Москве. Это все совпало: — публикация Чивилихина, мое знакомство с Шелковниковым, мой переход в Верхне-Казырскую геолого-съёмочную партию (Геолого-съёмочная экспедиция) и выезд мой впервые в Восточные Саяны, на Казыр. Все первые и последующие маршруты, мои Казырские отпуска — все это было окрашено памятью о А.М. Кошурникове, его Казырский путь, драма в конце пути и бессмертие.

Вздымается могучий хребет Кошурникова в междуречье Казыра и его левых притоков — Левого Казыра, Катуня, существуют железнодорожные станции

**КОШУРНИКОВ
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ**
(1905 — 1942 гг.)

Выпускник СТИ (ПТУ) 1930 года по мостовой специальности. Инженер-изыскатель. Работал на строительстве железных дорог Томск—Асино, Новокузнецк—Абакан и др. В 1942 году был назначен руководителем по разработке трассы от Абакана до Нижнеудинска (будущего БАМа). Погиб с товарищами по экспедиции при обследовании наиболее трудного его участка в долине реки Казыр. Трасса Абакан — Тайшет была сдана в эксплуатацию в 1965 году. Три станции на ней были названы в честь инженеров-первопроходцев: А.М. Кошурникова, А.Д. Журавлёва, К.А. Стофато. Именем А.М. Кошурникова названы также хребет вдоль левого берега Казыра, улицы в Новосибирске и Томске. А.М. Кошурников посмертно награждён орденом Ленина.

— Кошурниково, Журавлево, Стофато, на линии Абакан — Тайшет. Многие считают, что именно существующую трассу изыскивал Кошурников в то-время как изыскивал он Казырский вариант, в 150—200 км южнее того, который был построен позднее, после гибели Кошурникова. Наверно, останься жив Александр Михайлович, я уверен, что он прекрасный изыскатель, и остался бы Казырский вариант, более дешевый в исполнении и стратегически более важный. Это уже, конечно, не имеет отношения к прославленному изыскателю, который спит вечным сном на берегу Казыра и его товарищам, погибшим в Казыре в тот суровый второй год войны.

Одно обстоятельство смущало — у нас не было с собой топографической карты, чтобы плыть. Туристы имеют даже лоцию где показано очень детально, как проходить по реке, характер порогов и т.д. Какая тут лоция, — хотя бы карту, а там разберемся. По рации попросили наших товарищей из экспедиции, глядя на топокарту, внимательно все вымерить и продиктовать нам порядок всех притоков, шивер, порогов, поворотов и т.д. И главное, расстояние между ними, записав, выверив, вынести эту схему на бумагу. Худо-бедно, теперь у нас была примитивная карта-схема, т.е. было все, но не было поворотов и характера реки. Ну ладно, не беда, будем внимательно

IVAN ALEKSANDROVICH CHERNYSHEV (1910-1981)

Major General. Took part in the battle in Kursk Duga as the head of the department of political affairs and deputy commander of the Second Guards Tatsin Tank Corps.

IVAN FOMICH PASHKIN

Took part in the liberation of Poland, the Operation at the Vistula and the Oder, Eastern Pomeranian and Berlin Operations.

PAVEL IVANOVICH BAZHENOV

Took part in the Defense of Leningrad. General-Colonel. Winner of the USSR State Award.

ANATOLY NIKOLAEVICH SOLONITSYN (1917-1981)

Graduated from TEI in 1941. Major General, head of the armoured military unit.

ALEKSANDR NIKOLAEVICH KUYAROV

Graduated from TEI Department of Economy in 1941. General of the Ministry of National Security.

VLADIMIR ALEKSEEVICH SHABALIN

Third-year student of TEI Department of Geologic Exploration. Lieutenant General, engineer, candidate of technical sciences, winner of the State Award.

следить за порядком всех речек, впадающих в Казыр, за порогами, шиверами и расстояниями. Это, конечно, опасно и трудно. Но, опыт сплава был. Резиновая лодка — "восьмисотка", конечно, не туристические устойчивые катамараны, — менее устойчивая посудина, но все же плыть на ней вполне можно.

Далее, дневник мой тех дней:

29 апреля 1994 года. Пасмурный день, снег, к вечеру немного прояснилось. Делаем вареники из картошки. Пожалуй, Гутарский вариант не подходит для нас, потому что в Гутаре можно просидеть Бог знает сколько времени из-за непогоды, как это бывало раньше. Собак жалко, они остаются на базе, как от сердца отрываю. И так, плывем, решено. Нужна карта — будем брать информацию по рации.

30 апреля. Переменчивая погода — то снежок, то солнце. Под вечер давление выросло, похолодало, прояснилось. Все время болит душа - идти в Гутару, где можно просидеть, ожидая авиации, или плыть на лодке, что далеко не безопасно, так как Казыра мы не знаем. Однако, многие сплавились. Долой сомнения, утвердили для себя сплавной вариант, и менять это решение теперь не будем.

1 мая. Воскресенье, Пасха. Хотя атмосферное давление выросло, тем не менее порхает снежок. Очень тревожно все дни на душе. Почему — не знаю. Какое-то предчувствие. Вспоминается мама, детство. Вспоминаются мои женщины — прекрасные и бестолковые. Мир им всем, ушедшим и живущим. Пусть злом меня не поминают. Мир всем вам и добра и на том, и на этом свете...

Ты моя внучка, Любочка, маленькая, солнышко мое, скоро, через три дня тебе четыре года. Расти здоровая, умная, счастливая! Пусть в эти суровые времена птицы тебе поют, и каждое утро тебе солнышко улыбается!

День разгулялся, солнце с голубым небом и белыми облачками. Сегодня день рождения мамы. Было бы ей 88 лет, и 5 лет, как нет ее. Моя дорогая мама, как я виноват перед тобой. Пусть в другом мире я буду за это наказан! ... Елочка точные около стола, где мы ее поминали 18 июля 1989 года.

Душой уверились и укрепились, что все преодолеем и благополучно приплывем к людям на Нижнюю Тридцатку (заимку Нижнеказырскую).

2 мая. Буду выплывать к тебе, Любочка маленькая, и тебе, Люба большая. Осторожно и без гусарства. Сегодня голубое небо, облачка, тепло. Готовимся к сплаву. Все собрали, все как будто предусмотрели, с Богом!

3 мая. Пасмурный день. Дождь накрапывает. Завтра выезжаем, вернее выплываем. Завтра Любочке 4 года. Будь здорова, солнышко мое, долгих счастливых лет тебе, моя рыбка! Скорее в путь, к близким. Тягомотный день. Пасмурно. Собаки ничего не едят, Степа ходит за мной неотлучно, чует, что ли. Как всегда перед отплытием нервно. Знаю по опыту, поплывем — будет проще, определеннее.

А.М. Кашурников на изысканиях (2 ряд четвертый слева)

4 мая. Теплый день. Сплавливались до устья Томской, немного нервно, с ошибками. Но за день притерлись, успокоились и приняли порядок сплава. Саша на веслах правит, лицом к движению, я — в корме, веду лодку, помогая веслом. Собаки мои хорошие, как они сегодня плакали сильно, когда мы собирались и отплыли.

День голубой. Утром мы напугали коршуна, который терзал уточку, — выходит, мы спасли ее.

Очень нервно шел сплав, потом привыкли. Хотели дальше плыть, еще до темноты далеко. Но уж больно симпатичная изба на крутом берегу, на устье Томской.

Хороший сон, но очень грустно почему-то. Вспомнилась база, собаки, родные в Красноярске, работа и дела... и заботы в Красноярске. Очень тепло на солнце. Начинаем загорать. Очень скоро появятся листочки на березах. И новая хвойка начнет зеленеть на пихтах и елочках.

Что тревожит — вода в Казыре сильно прибывает и начинает отрывать береговой лед, оставшийся с зимы. И мы — плывем среди айсбергов. Как бы не порвать лодку льдом.

5 мая. Солнечное утро. Хорошо гудит печь. Ах, какая благодать — изба и печь. Очень грустно без Степы и Кузи — моих верных рыжих псов. Только бы они куда без меня не сбежали. Плыть до р. Падуна без приключений, — слава Богу. Осторожно. Остановились в 1 км от порога "Щеки". Ночь в палатке. Грустные и тревожные мысли. Я все равно доплыву к вам, мои дорогие, Любочка, я должен пройти весь Казыр, как это было у Кошурникова, но только он немного не дошел...

Вода уже прибывает здорово, и очень мутная — бурлит грозно на перекатах.

Вечером долго размышлял о Кошурникове и его товарищах. И каждый день — плывем, и я смотрю и знаю, что вот это все — видели они, 52 года тому... Вот эту могучую лиственницу или те громадные кедры — они уже тогда были такие же могучие и большие. А здесь где-то они, судя по дневнику Кошурникова, ночевали...

Где стоит наша база, 2,5 километра ниже р. Запевали, оттуда Кошурников с товарищами, построив плот, поплыли вниз по Казыру, а олени с каюром вернулись в Гутару. Думалось — с Казыра видно горы, где месторождение редких металлов, всего в 2,5—3 км проплыли они, не зная об этом. Как чудно все переплелось — грозный 1942 год и сегодняшние дни. А природа все та же — горы и прекрасный Казыр. Я представляю, как было им плохо, трудно, голодно и холодно...

6 мая. Жара — дикая. За целый день двумя рейсами перенесли вниз "Щек" все грузы и лодку. Устали страшно, плыть решили завтра с утра. Снег тает на глазах (на южном борту, северная экспедиция). Распускаются клейкие нежные листочки на ольхе, осинах, березах. Весь лесок по бортам нежно зазеленел ("еще прозрачные леса как будто пухом зеленеют").

Жара. Шумит, плещется Казыр. Смолистая тайга и воздух густой, чистый, насыщенный ароматом тайги.

Как прекрасно сверкают снега, которые — на дальних хребтах. Мои Саяны... На косах и берегах свежие следы маралов и оленей. Один след сохатого. Сейчас ужинаем и отдыхаем.

7 мая. Сегодня четвертый день как плывем. Втянулись. Конечно, тревога еще не покидает, но мы уже прошли более одной трети пути. Сегодня от "Щек" доплыли до устья р. Бочурилки (к третьему дню). Незадолго до обеда на перекате изрядно в лодку наплескалось воды, благо день жаркий. Когда пристали к берегу обедать, разлили крупы, документы, даже деньги придавили галькой на песке для просушки.

Пристали рано. Соблазнились баней и отдыхом, так как следующий отрезок труден — пороги и перекаты. Всю ночь — дождь. Спали как убитые после бани.

8 мая. Целый день "загораем". До обеда проливной дождь, сейчас, под вечер, погода наладилась. Казыр вздулся от дождя. Будем осторожны.

9 мая. Удачный день, пройдено 32 км. Это, пожалуй, самый трудный участок Казыра (если судить по тем данным, которые мы получили по рации и по рассказам тех, кто сплавлялся по Казыру). Нас ждали: пороги "Ворота", "Базыбайский"; перекаты "Баня" и еще Бог знает что. Чем интересен и опасен сплав, когда плывешь первый раз и без карты, а только по рации переданным кратким данным (расстояния). Приходилось, ожидая порога, или шиверы прислушиваться к характеру шума реки. Если этот шум ровный, то до порога еще далеко, но вот плавное течение с какого-то переломного места начинало набирать скорость, вода втекала в горло, а затем с диким ревом протекала по порогу и каскадом водопадов стекала вниз. А внизу — слив, затишье, откуда путь можно спокойно продолжать дальше.

Утром после завтрака отплыли от устья р. Бочурина. Без приключений дошли до порога "Ворота" и спокойно форсировали его. И тут же услышали рев, посте-

Following Koshurnikov's trail: there was no backway

O.I. Pyatov

I learned about the expedition of A.M. Koshurnikov from my colleague who worked at Kazyr in 1953, ten years after Koshurnikov's tragic death. The residents of the village of Kazyr found the body and the diary of the great explorer and buried him on the riverside.

During all my trips to the Sayan Mountains I kept thinking of Koshurnikov and his friends whose mission was not fully accomplished but they may be said to have passed to immortality. Feasting my eye on the picturesque taiga landscapes I realised that there were too many reasons to regard Koshurnikov's expedition fatal. Lack of provisions and outfit, severe frosts and the absence of the land map (there was no map of the region at that time) foreordained its deplorable consequences. There are at least two explanations why the party could not reach the populated areas. The first lies in the fact that in 1937 the territory of the Sayan Mountains was announced a conservation area and Koshurnikov was not allowed to take any fishing gear, which later led to starvation among the participants of the expedition. The second and probably the main reason of the tragedy was the notorious head of local administration (village council) who did nothing to prepare the expedition and was in fact responsible for unauthorized use of the resources. Due to this, a second half of the expedition was particularly terrible because all members of the expedition were suffering from cold and rabid hunger.

Following Koshurnikov's trail I understood: there was no backway for him. He was not awaiting gifts from Chance; rather, he was chosen to face extreme hardships on the Kazyr trail and to take a correct view of those tragic circumstances.

пенно нарастающий. Это Базыбай. Его надо обтаскивать слева. Пристали заранее, сделали первый рейс с грузом. На обратном пути, когда шли за оставшимся грузом, осмотрели сам порог, живописные скалы, образующие мощный слив, который и гудит, который и является порогом. Да, зловещий, мощный красавец, — творение природы. Вот иobeliski в память молодых людей, которые здесь когда-то погибли, проходя неудачно порог на плотках.

Перетаскив весь груз, пообедали у нижнего края порога, на берегу озеровидного слива. Вскоре — крутой поворот Казыра и справа — впадает мощный Базыбай, один из самых больших притоков. Перекат в устье Рыбной прошли легко, даже не приставали для обвода переката. Ночевали в прекрасной избе, 2 км ниже переката "Баня". Где-то здесь погибли Кошурников, Стофато, Журавлев. В районе "Бани" рыбак нашел осенью 1943 года его тело и листочки дневника, из которого все стало ясно и благодаря которому подвиг получил литературное продолжение, имя Кошурникова вошло в географическое название (прекрасный могучий хребет в верховьях Казыра, где я работаю всю жизнь), в названия улиц и железнодорожных станций. Когда плыли в этом месте, мы особенно внимательно вглядывались в эти берега, покрытые мрачноватой тайгой.

На северо-западе мощно возвышался Базыбайский белок. Мы его все время видели, когда плыли по Казыру. Увидели уже на третий день, когда прошли "Щеки", и видели еще половину следующего дня. Значит, в последний день своей жизни Кошурников мог видеть Базыбайский белок... На душе было печально и спокойно. Опасностей уже почти не предвиделось, мы расслабились и на ночевку встали с сознанием выполненного долга. Очень продуктивный день! Сейчас вечер, варим суп, отдыхаем. Изба прекрасная, чистая. На столе — старинное Евангелие. Долго читал, до глубокой ночи. И слова Священного писания спокойно, ясно и накрепко ложились в душу. Не в этот ли вечер душа вернулась к Богу...

Сегодня день Победы!

10 мая. Самый длинный день сплава, самый продуктивный, прошли 48 километров. После Нижнего Китата Казыр стал совсем плавным, полноводным, широким. Много уток. Вода затопила косы, острова и Казыр быстро стал мощной широкой рекой. Приходилось плыть на веслах, меняясь попеременно. Мы уже перестали следить за впадающими речками в Казыр, так как уже сбились со счета из-за большой воды. Просто плыли вниз за текущей массой воды. Вот увидели стога по берегам и 6—7 домов, метеостанция. Это Верхняя Тридцатка. И совсем рядом, в семи километрах ниже, Нижняя Тридцатка — поселочек на высоком берегу Казыра. Отсюда прекрасный вид на светлую ширь Казыра, на дальние горы, мощные белки хребта Шандын. Свернули мы с Шурой лодку, и пошли вверх, где могила А.М. Кошурникова. Обелиск, на котором его последние строки из дневника. Кедровые шумят рядом, на погосте могила охотников, рыбаков — маленькое кладбище. Достойное место для последнего успокоения достойного человека!

Таким образом, я прошел, проплыл полный путь, от Верхней Гутары до Тридцатки, двести шестьдесят километров.

Чем ниже по Казыру мы плыли, тем быстрее догоняла нас весна. Мы радостно погружались в нее. Если на базе, в верхней части Казыра мы видели только набухшие почки на деревьях, то в низовьях, через три дня — нежную клейкую листву, а в районе поселка — листва уже набрала силу и шумела под порывами веселого весеннего ветра.

Заметил я, что и сплав по рекам, маршрут в Саянах — все это прекрасно новизной, любопытством к новому и это — мощный двигатель исследований, это же убирает с пути страх в значительной степени.

Поразил прекрасный поселочек Верхняя Тридцатка на Казыре, ухоженный вид, чудесное расположение на высокой террасе Казыра, где все растет, вплоть до арбузов. Живут староверы — русские люди — рыбаки, охотники. Порядочность их поразительна.

Пришли в Родительский день. Выпили с какими-то мужиками на берегу, нашли хорошего человека, который довез нас на своих "Жигулях" до Гуляевки. И мы, поспав на крыльце сельпо, уехали рано автобусом в Курагино.

Часто я думал о том, насколько тяжело было Кошурникову и его товарищам в их походе. Плыли впроголодь, не было даже рыболовных снастей и оружия, снаряжения почти никакого. Они голодали. Одежда и обувь — были на пределе. Для зимы у них не было ничего. Два его товарища были слабо подготовлены к тайге, к горам. Это один из главных мотивов гибели их. У них не было карты, в то время вообще не было на район карты. Исследования геодезиста Федосеева Г.А. не охватили бассейн Казыра.

Еще известны мне две важных причины, едва ли не главные, из-за которых Кошурников не дошел, не доплыл до людей и погиб. Одна из них: что территория хребта Крыжина и его отрогов была объявлена Саянским заповедником с 1937—1938 годов, Кошурникову не разрешили взять оружие, даже рыболовные снасти. Люди голодали, плыли, а под плотом — косяки хариусов, будь у них леса, крючки, можно было бы питаться рыбой. Сейчас — ноябрь 1996 года и рыбы намного стало меньше за эти годы, тем не менее употребляем в пищу только исключительно рыбу, что очень вкусно и сытно!

Другая причина — по вине одного негодяя, горького пьяницы Пустохина Василия Ильича, бывшего председателя Гутарского колхоза в 1942 году, Кошурников задержался с выходом на 15—20 дней. Этих дней как раз не хватило, а вернее, с избытком хватило бы, чтобы группа Кошурникова, спокойно до холодов смогла доплыть до населенных пунктов в низовьях Казыра. Таким образом, задание Комитета Оборона по изысканию железнодорожной трассы Абакан — Тайшет было не выполнено. Этот вот В.И. Пустохин был горьким пьяницей, и он, увы, узнал, что у Кошурникова есть 2—3 литра спирта (для всяких случаев в дороге). И пока весь спирт не был выпит, Пустохин не дал оленей и проводника (каюра). Это последнее обстоятельство — поздний выход в дорогу — по моему самое главное, что погубило экспедицию. Сейчас начало ноября 1996 года, как раз те дни, когда погиб Кошурников. Я вижу, что 50%—60% Казыра уже полностью перекрыто льдом. И я видел, как всего за два дня все это случилось уже 25—26 октября. А по сведениям, октябрь 1942 года был очень суровым в Саянах... Мучительна была вторая половина пути А.М. Кошурникова и его спутников, гибель от холода и голода.